

Глава 9

Преимственность идеологии

Помимо объективных трудностей, связанных с мобильностью, миграцией и концепцией уменьшения городов, самой серьезной из всех помех на пути изменения российской экономической географии является то, что Сибирь продолжает рассматриваться в качестве основы развития России в будущем. Сохранение и расширение материальных сибирских активов – городов, заводов и рудников, унаследованных от ГУЛАГа, считаются политическим императивом и в сегодняшней России. Выдвигаются программы по «второй индустриализации» Сибири, и делается ставка на привлечение мигрантов и иммигрантов для того, чтобы приостановить уменьшение численности населения и рабочей силы. Однако попытки государства повторно заселить Сибирь создадут больше проблем, чем решат. Приток иммигрантов вызовет новые затруднения. Потребуется государственное вмешательство для борьбы с проклятием суровых холодов, частыми перебоями в подаче энергии, а также с наводнениями – бедой региона после каждой суровой зимы. Таким образом, борьба с сибирской природой по-прежнему будет выкачивать ресурсы из Москвы и других развитых регионов, при этом подвергая опасности уникальную и легко ранимую экологию Сибири.

В эпоху царизма Сибирь привлекала некоторых как место, где можно найти убежище или романтику. В советские времена студенты и ученые тоже добровольно приезжали туда, чтобы работать в филиалах Академии наук в Новосибирске и других городах, где они надеялись обрести интеллектуальную свободу и возможность заниматься своим делом. Других же, отправившихся туда, чтобы работать на оборонных предприятиях, в добывающих отраслях промышленности и на гигантских сибирских заводах, привлекали высокие заработки и возможность быть «первопроходцами» на передовых рубежах советской индустриализации. Сегодня, хотя ценность этих относительных свобод и возможностей ушла в прошлое, людей, как и в случае с Норильском (см. главу 8), продолжают удерживать на месте гораздо более приземленные или житейские вещи – жилищные субсидии и другие льготы.

К тому же Сибирь обросла неким мифом. Идеи 1970-х годов об эксплуатации неограниченных сибирских ресурсов и построении советской промышленной утопии были весьма в ходу и в 1980-х,

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

особенно в связи с настоящей необходимостью завершения одной из последних великих советских строек – БАМа. Сибирь и ее природные чудеса, такие как, например озеро Байкал, были еще и излюбленными сюжетами для писателей-деревенщиков того времени. Таким образом, советское мифотворчество о Сибири – это совсем недавние и живучие воспоминания для поколения современных российских лидеров, достигших зрелого возраста в 1970–1980-х годах.

Образ Сибири был чрезвычайно политизирован в 1990-х годах с воскрешением «евразийских» теорий конца XIX – начала XX столетий, которые популярно обосновывали уникальное географическое положение России между Европой и Азией¹. Окончательно сформировавшееся евразийское политическое движение, возглавляемое философом Александром Дугиным, возникло в конце 1990-х годов, с особым акцентом на господство и контроль над Севером и землями в Арктике (*Арктогея*)². Опираясь на геополитические теории британского ученого начала XX столетия Халфорда Макиндера, движение Дугина выступает за «самодостаточность (российского) огромного пространства» и более плотное заселение Сибири, замечая, что «свято место пусто не бывает»³. Хотя евразийское движение и было неким новым веянием в российской политике, в среде политиков и аналитиков его влияние на формирование взглядов на двойственную роль России в Европе и Азии оказалось довольно значительным. Сам Дугин стал советником бывшего спикера российского парламента Геннадия Селезнева по «геополитическим делам» и был связан с рядом ультранационалистических политиков, ведущим телепрограммы «Однако» Михаилом Леонтьевым и редакцией газеты леворадикального толка «Завтра»⁴. Идеи Евразии нашли поддержку и у многих основных российских националистических партий – Единство, Отечество – вся Россия, КПРФ... Члены этих партий преобладали в комитете по геополитике российской Госдумы второго созыва, потому эти идеи нашли свое отражение в выступлениях лидеров, в том числе и президента Путина⁵. Утверждения евразийцев вроде того, что «тот, кто владеет Арктикой, владеет всем миром», красной линией проходят через репортажи российских газет и аналитические записки о Сибири и российском Севере⁶.

Во всех этих материалах и дебатах Сибирь является основанием гордости российского охвата и Европы и Азии. Без Сибири Россия не была бы богата и авторитетна. Даже известные западные обозреватели, например, историк Джеймс Биллингтон (James Billington), библиотекарь конгресса США, продолжают рассматривать Сибирь как квинтэссенцию России: «Сибирь – это идеальное место, поскольку она стала эмоциональным средоточием поиска

Глава 9. Преемственность идеологии

Россией своей новой идентичности скорее как передового рубежа развития цивилизации, чем военизированной имперской силы»⁷.

В 1990-х годах эта политическая сибирская мифология стала тесно смыкаться с концепцией безопасности России и опасениями по поводу образования демографического и геополитического вакуума на российском Дальнем Востоке, который может быть потенциально заполнен Китаем. Учитывая, что регион севернее реки Амур был одной из последних территорий, присоединенных к Российской империи, и что из-за спорных территорий вдоль Амура происходили серьезные военные столкновения между СССР и Китаем в 1969 году, эти опасения не так уж необоснованны (соглашение о делимитации государственной границы между РФ и КНР было подписано Путиным в октябре 2004 года). Сибирь и Дальний Восток были одними из самых милитаризованных регионов России в советский период, особенно в 1970-х годах⁸. Сегодня демографический и экономический спад в России совпал с экономическим и демографическим бумом в Китае. Наращивание китайских обычных вооруженных сил произошло в то время, когда армия России находилась в процессе унижительной деградации, что, естественно, нервировало российских политиков.

Угроза российскому Дальнему Востоку со стороны Китая; возможность наплыва китайских мигрантов на быстро пустеющие российские земли; проблемы сохранения российского военного присутствия в этом регионе – все это стало дежурной темой политических дебатов в Москве, Сибири и на Дальнем Востоке⁹. Действительно, современные российские лидеры и аналитики все еще бьются над многими теми же дилеммами безопасности, что заботили Россию и в эпоху царизма. Как же правительству обеспечить суверенитет России над такой бескрайней территорией и защитить ее от вторжения? Возможно ли сохранить территориальную целостность, если большие участки ее земель слабо заселены или не заселены вовсе? Будет ли демографический спад в России означать, что Сибирь и российский Дальний Восток снова будут рассматриваться как *ничейная земля* (*terra nullius*), субъект претензий извне и захвата?

Теперь несколько слов еще об одной нестареющей идее – о Сибири как сокровищнице России. Российская пресса еще полнится статьями, превозносящими значение стимулирования эволюции российской экономики за счет использования ресурсов Сибири и Севера – нефти, газа, угля, драгоценных металлов, меди, гидроэлектрического потенциала и так далее¹⁰. Спротивление развенчанию особой значимости Сибири и Севера происходит из-за значения, которое имеют разработка природных ресурсов и обнаружение новых нефтяных и газовых месторождений¹¹. Оно также проис-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

текает из стремления «олигархов» урвать для себя феодальные поместья в отдаленных, богатых ресурсами регионах, чтобы иметь возможность усилить свое влияние в центре.

Бывший кандидат в президенты и соперник Ельцина на выборах 1996 года генерал Александр Лебедь, например, сумел обеспечить себе в мае 1998 года пост губернатора Красноярского края, одной из самых крупных и наименее заселенных в России территорий. С этой новой политически влиятельной платформы он принялся конфликтовать с местными промышленными тяжеловесами и центральным правительством, продолжая поступать так до тех пор, пока безвременно не погиб при катастрофе вертолета в апреле 2002 года¹². Аналогичным образом российский олигарх Роман Абрамович, глава нефтяной компании «Сибнефть» и основной держатель акций алюминиевой и авиатранспортной отраслей промышленности, в декабре 2000 года стал губернатором отдаленной и нищей Чукотки¹³. С тех пор Абрамович успешно подменил, если и вовсе не узурпировал роль государства в регионе. Он в буквальном смысле содержит местных жителей из своего кармана, порождая множество слухов по поводу его намерений¹⁴. Жизнь на Чукотке имеет самую высокую в РФ стоимость и чрезвычайно тяжела для 78 600 ее обитателей, рассеянных на гигантской территории – 737 700 кв. километров. Почти 75 процентов месячных заработков жителей Чукотки уходят на одни только продукты питания¹⁵.

В то время как перед большей частью населения Сибири открываются безрадостные перспективы, для российских бизнесменов и политиков она продолжает оставаться передовым рубежом благоприятных возможностей для их деловой активности.

Планы в отношении Сибири

Отчасти приходящие в Сибири события и планы государства все больше напоминают советский подход к ее завоеванию. Проекты по поддержанию Сибири и возобновлению ее освоения и в самом деле не потеряли своей значимости за последний десяток лет – по крайней мере, на бумаге. Все это время экономисты и аналитики ходатайствовали перед российским правительством об их реализации¹⁶. Более того, некоторые из самых грандиозных схем разработки бездонных ресурсов Сибири продолжают оставаться насущными. Сюда входит и проект, впервые выдвинутый в 1970–1980-х годах, по переброске избыточных вод великих сибирских рек через бесчисленное множество каналов на орошение хлопковых полей подверженной засухам Средней Азии. В начале декабря 2002 года мэ

Глава 9. Преемственность идеологии

Москвы Юрий Лужков якобы направил письмо президенту Владимиру Путину с предложением о продаже Россией «избыточных» сибирских вод в Среднюю Азию. Он писал о строительстве (с помощью имеющих отношение к Москве строительных компаний) канала длиной 2225 километров и стоимостью 12–20 млрд. долларов от реки Обь через Казахстан в Узбекистан для подпитки высыхающих рек Амударья и Сырдарья¹⁷. Первоначальный план строительства канала Сибирь – Средняя Азия был отклонен в середине 1980-х годов из-за слишком больших инвестиционных затрат. Главные советские каналы, такие как Беломорско-Балтийский и Москва – Волга, были построены в сталинский период с использованием рабочей силы ГУЛАГа, когда проблема затрат не существовала.

В апреле 2002 года, после усиленного лоббирования со стороны регионального руководства, российское правительство одобрило двадцатилетнюю «Стратегию экономического развития Сибири». Этот план был разработан группой сибирских научно-исследовательских центров и региональными ассоциациями в сотрудничестве с МЭРТ. Стратегией (по большей части декларативной) предусматривалось, наряду с прочим, содействие созданию новой инфраструктуры и модернизации транспортной сети; снижение транспортных тарифов и введение налоговых стимулов для уменьшения высоких производственных затрат в Сибири; внедрение энергосберегающих технологий¹⁸. Стратегия основывалась на надежде получить средства из неких дополнительных федеральных и региональных бюджетных фондов. Переключаясь с «доктриной Энгельса» (производительные силы следует распределять по всей территории максимально равномерно), «Стратегия экономического освоения Сибири» одной из основополагающих задач ставила «уменьшение различий в экономическом развитии между регионами» путем реструктуризации сибирской экономики и стимулирования всеобщего экономического роста¹⁹.

Как и следовало ожидать, базовая предпосылка стратегии основывалась на представлении о том, что ключ к успеху – богатые природные ресурсы в сочетании с «хорошим» правительственным планом. Один из сторонников стратегии, Леонид Драчевский, полпред президента Путина в Сибирском федеральном округе в 2000–2004 годах, утверждал: «Все сложности, вытекающие из географического положения Сибири и сурового климата, компенсируются потрясающим богатством ее природных ресурсов. Все, что от государства требуется, это систематизированный подход к решению сибирских проблем». Драчевский отмечал, что при наличии реальной возможности получить иностранные инвестиции Сибирь сама в состоянии финансировать свое развитие. В дополнение к ресурсной базе Сибирь под-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

крепляла свои позиции еще и за счет «наукоемких технологий» своих академических научно-исследовательских центров и оборонных предприятий, машиностроительных заводов, лесопромышленного комплекса и транспортных маршрутов в Европу и Азию. Всего этого было бы «достаточно», говорил Драчевский, «если бы только государство уделило хоть какое-то внимание региону»²⁰.

К сожалению, одного «внимания» со стороны федерального правительства к Сибири недостаточно. И хотя Драчевский и многие другие в России утверждают, что все, в чем нуждается Сибирь для успешного развития, – это «новая целенаправленная региональная политика», Сибири потребуется гораздо больше, чем один лишь только план, для того чтобы стремление к возобновлению развития ее современного экономического профиля было реализовано²¹. Как осознают сами разработчики политики и аналитики, со стороны федерального и региональных правительств снова потребуются героические и дорогостоящие меры по перестройке существующей инфраструктуры, повышению эффективности энергетики и снабжения и созданию единой экономической системы. Ресурсов для выполнения этих задач чрезвычайно мало. Этот вопрос был центральной темой всех дебатов во Владивостоке во время визита президента В. Путина на Дальний Восток в августе 2002 года. В частности, президент провел совещание с участием федерального правительства и региональных лидеров для обсуждения социальных и экономических проблем Дальневосточного федерального округа²². И опять за отправную точку был принят курс на освоение региона (президент требовал то же самое в августе 2000 года). Однако Виктор Христенко, в то время заместитель российского премьер-министра, ответственный за региональную экономическую политику, все же отметил, что государству придется расставить приоритеты, и признал, что некоторые территории региона, особенно Север с его суровым климатом, будет сложно осваивать заново. Взамен Христенко рекомендовал, чтобы правительство сосредоточило свои усилия на юге региона.

Подводя итоги совещания во Владивостоке, президент Путин сказал, что «проблем в регионе гораздо больше, чем количество предлагаемых решений», и что потенциал Дальнего Востока может быть в полной мере использован только ценой «значительных усилий». Путин продолжает утверждать:

«[Российский Дальний Восток] – это та часть Российской Федерации, где придется реализовать политику, которую немодно сегодня предъявлять, а именно политику преференций. Ничего с этим не поделать, и по-другому нам никак не выстроить эту работу, она исторически по-другому и не выстраивалась. Преференция по тарифам на железную дорогу, которая сегодня осуществляется, на

Глава 9. Преемственность идеологии

электроэнергетику, на инвестиции, в целом на государственную поддержку. Эти преференции должны быть сохранены, и они будут сохраняться. Планы по развитию региона Дальнего Востока... без всякого преувеличения масштабные и грандиозные. Нам нужно добиться того, чтобы они были реализованы»²³.

Несмотря на заверения Путина, столь великолепно разработанные планы развития Сибири и Дальнего Востока продолжают оставаться только на бумаге – их реализация маловероятна.

Больше горячих людей для Сибири

Говоря о первостепенных проблемах на совещании во Владивостоке в августе 2002 года, федеральные чиновники отмечали, что для всех крупномасштабных и грандиозных проектов развития Сибири потребуется еще и рабочая сила, в которой регион испытывает крайне острый дефицит. Как заявил на совещании Виктор Ишаев, губернатор Хабаровского края «мы не овладеем Дальним Востоком, если не создадим там постоянного заселения»²⁴. Что касается унаследованной советской экономики – не той ее части, что оказалась жизнеспособной в рыночных экономических условиях, – то Сибирь сегодня сталкивается с острой нехваткой рабочей силы точно так же, как и в 1980-х годах. Не хватает людей, которые захотели бы работать в суровых условиях за предельно низкую плату ради поддержания на плаву убыточных предприятий и рудников, не говоря уже о создании предполагаемой новой инфраструктуры.

В результате удержание на месте и доставка в Сибирь и на Дальний Восток еще большего числа людей (даже несмотря на то, что имеющееся население пытается оттуда уехать) стали главными вопросами для российских политиков в регионе и Москве. Во время предыдущей поездки в Сибирь в феврале 2001 года президент Путин в своем выступлении отметил: «В последние годы население большинства сибирских регионов неукоснительно сокращается, люди уезжают. Уезжают, потому что просто не видят для себя перспектив. Демографический дисбаланс между европейской частью и Зауральем, и без того серьезный, усугубляется в последние годы... Нужно существенно повысить миграционную привлекательность Зауралья»²⁵. И бывший премьер-министр Евгений Примаков в интервью российской прессе в июле 2002 года тоже заявил (снова отголосок «доктрины Энгельса»), что одна из главных проблем, стоящих перед Россией, – «это неравномерность распределения населения по территории России. «Вакуум» на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири. Но вакуумы ведь заполняются»²⁶.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Но как этот вакуум будет заполняться? И опять прозвучало то, что признал Виктор Ишаев на совещании во Владивостоке в августе 2002 года: «[российский Дальний Восток] не развивался на коммерческой основе. Он развивался во исполнение геополитической, геостратегической миссии, которая всегда возлагалась на него исключительно государством и правительством. Люди приезжали сюда не потому, что они этого хотели, что здесь было тепло, что здесь было много пищи или что здесь было удобно жить. Это была их миссия. Вот почему люди прибывали сюда. Вот почему они осваивали Дальний Восток»²⁷.

Признание Ишаева подтверждает, что совершив полный оборот, Россия снова приходит к призывам к мобилизации и призыву. Действительно, убеждение, что лучше уж пусть российское государство само распределяет рабочую силу в определенные регионы и в отрасли промышленности, чем позволять делать это рынку (предоставляя людям выбор), по-прежнему глубоко коренится в российском политическом мышлении. На совещании во Владивостоке, хотя и Виктор Христенко, и Владимир Путин отметили, что обычное правило для людей, подыскивающих работу и место жительства в условиях рыночной экономики, звучит так: «Вы должны работать там, где наиболее выгодно, и жить там, где наиболее комфортно», – оба они подчеркнули, что у россиян должна быть и другая императива: «Вы должны служить там, где потребуют государственные интересы». (Путин даже заявил, что как Верховный главнокомандующий он имеет право решать, «где кому служить»)²⁸.

Президент Путин и прочие российские лидеры все еще вольны рассуждать о важности чувства долга и служении государственным интересам. Россияне же с 1990-х годов с большей готовностью реагировали на притягательность сил рыночной экономики, покидая Сибирь и Дальний Восток, если им предоставлялась такая возможность. По свидетельству экспертов, например Тимоти Хелениака, в 1989–2001 годах миграция в пределах региона была довольно заметной. Свыше 12 процентов населения региона, отнесенного Всемирным банком к жителям российского Севера (см. приложение В), уехали из этих отдаленных районов, хотя многие мигранты были не в состоянии выехать за пределы Сибири²⁹. Как свидетельствуют аналитики, наиболее интенсивный всплеск миграции отмечался в 1992 году, непосредственно после развала Советского Союза. Хотя темп эмиграции и снижался из-за восстановления политических барьеров на пути миграции и хотя переселиться куда-нибудь в Российской Федерации становилось все сложнее, тот факт, что массовый исход подобного рода действительно произо-

Глава 9. Преемственность идеологии

шел в начале 1990-х годов, был важным и своевременным сигналом со стороны рынка и свидетельствовал о том, что большая часть производства в этой части страны находится в упадке. Такой сигнал должен был быть, но не был замечен ни региональными, ни центральными властями.

Окончание эпохи советских субсидий было одним из главных факторов, послуживших причиной подобного исхода. Как отмечалось ранее, до развала СССР рабочая сила являлась в значительной степени субсидируемым элементом производства в Сибири и на Дальнем Востоке. Надбавки к зарплате были лишь малой частью этих субсидий. Выплаты и льготы, предоставлявшиеся Советским Союзом помимо зарплаты и вне зависимости от конкретного предприятия, на котором работали люди, были важнее всего для постоянных жителей региона. Они варьировались от низких тарифов ЖКХ и цен на жилье до фактически бесплатных авиаперелетов в европейскую часть России. Эти льготы были урезаны в начале 1990-х годов, и рабочих Сибири и Дальнего Востока уже не могли устроить одни только высокие зарплаты. В итоге они были поставлены перед фактом серьезного урезания и их реальной заработной платы. Многие реагировали так, как следовало ожидать, – покидали не только предприятие, но и регион, что было естественным последствием потери субсидий из центра. За исключением «Норильского никеля», почти ни одно предприятие в регионе не было настолько прибыльным, чтобы иметь возможность выплачивать своим работникам заработную плату в денежной форме, достаточную для компенсации утраченных льгот.

В экономике невозможность платить достаточные зарплаты рабочим, чтобы они продолжали трудиться, а не уходили с предприятия, служит показателем стоимости капитала (предприятия). В Сибири и на Дальнем Востоке в 1990-х годах «собственники» капитала – директора заводов, олигархи, обзаведшиеся российскими промышленными активами, региональные элиты и, разумеется, федеральные власти – не восприняли или, по меньшей мере, не осознали подспудный намек эмиграции на то, что этот капитал был фактически менее прибыльным (более затратным), чем они себе представляли. Над директорами заводов и над правительством довлело политическое обязательство оберегать стоимость капитала. Развернутую версию такой схемы сохранения *видимости* стоимости нежизнеспособных предприятий назвали российской «виртуальной экономикой»³⁰. Нигде эта схема не была настолько в ходу, как в Уральском и Сибирском регионах. Проблемы все же стали появляться. В то время как политические связи между предприятиями и государственными структурами обеспечивали про-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

цесс совершения неких сделок между предприятиями и между предприятиями и этими структурами («виртуальные» цены и «виртуальная» оплата налогов), работники просто не желали больше притворяться, что их «виртуальные» зарплаты в действительности выплачивались. С появлением свободного выбора места работы люди стали покидать заводы.

Таким образом, возник дисбаланс между физическим капиталом, заводами и оборудованием, с одной стороны, и рабочим — с другой. Рабочая сила стала дефицитным фактором. Она была бы в еще большем дефиците, если бы не существовало всех этих ограничений на российском рынке труда. Как мы уже говорили в предыдущей главе, многие люди оставались запертыми в Сибири и на Дальнем Востоке. Они были не в состоянии переселиться из-за ограничений по проживанию в наиболее привлекательных местах, из-за недостаточного развитого рынка жилья и из-за непреходящего значения системы личной экономической безопасности (подсобное хозяйство, общественные связи и прочие защитные механизмы, помогавшие россиянам пережить потрясения 1990-х). Потому-то, несмотря на все негативные явления, заводы в Сибири были в состоянии удерживать некоторое количество прежней рабочей силы, хотя те, кто оставался, чаще всего оказывались наименее продуктивными и наименее мобильными из всех работников. Для переселения им не хватало профессиональной подготовки, и, соответственно, их перспективы при переселении были ограничены.

Замена мигрантов на иммигрантов

Хотя собственники и региональные власти еще не в состоянии признать тот факт, что заводы и целые отрасли промышленности Зауралья становятся все более убыточными, они видят текущее решение проблемы сохранения стоимости капитала в привлечении рабочей силы. Без производства промышленные активы были бы действительно никчемными, а без рабочей силы не было бы производства. Но как же, однако, российское правительство сможет сделать Сибирь и российский Дальний Восток привлекательными для рабочей силы, когда возможности по компенсации утраченных субсидий советских времен в форме более высоких зарплат ограничены? Можно ли заинтересовать или вдохновить мигрантов откуда-нибудь еще из России снова двинуться на восток? Следует ли делать это путем уменьшения привлекательности других мест или путем акцента на негативных сторонах других регионов,

Глава 9. Преемственность идеологии

как это предлагают некоторые российские аналитики?³¹ Или для этого надо еще больше затруднить переезд людей в Москву и другие части Европейской России?

Сначала единственное решение проблемы уменьшения численности сибирского населения виделось в том, чтобы заинтересовать этнических русских, проживающих в бывших республиках Советского Союза в возвращении в Россию на замену мигрировавшей рабочей силы. После распада СССР за пределами Российской Федерации проживало порядка 25 миллионов этнических русских. В 1992 году членам этой диаспоры и другим бывшим советским гражданам по новому закону о российском гражданстве было предоставлено право «возвращения», или иммиграции в РФ, если они постоянно проживали в России и обратились за гражданством до 2000 года³². Однако, как и в случае с миграцией в пределах Российской Федерации, сразу же после развала СССР последовал всплеск миграции в Россию из других бывших советских республик, который достиг своего максимума в 1994 году, а затем быстро пошел на убыль³³. Из 25 миллионов этнических русских, зарегистрированных за пределами России во время последней советской переписи (1989), с того времени фактически вернулись всего 3 миллиона человек, в основном из Средней Азии и с Украины. Большинство – 22 миллиона – предпочли не переселяться. По состоянию на 2000 год, они и теперь вряд ли поступят иначе³⁴. Тимоти Хелениак и другие эксперты по миграции пришли к выводу, что эта «движущая сила миграции, похоже, изрядно себя истощила»³⁵.

Так как россияне из той диаспоры больше не желали в массовом порядке возвращаться, российское государство и местные власти начали вынашивать идею рабочих-иммигрантов – импорт рабочих из-за пределов России, чтобы восполнить их недостаток в Сибири и других регионах. И правда, иммиграция – это уже реальность, а не просто идея фикс в России. Однако, как и в Европе, она стала одним из наиболее спорных вопросов начала XXI века. Иммигрантская рабочая сила, скорее, приводит к умножению проблем в Сибири, чем к их решению.

Официально к 2001 году в России числилось немногим более 200 000 рабочих-иммигрантов³⁶. При этом эксперты считают, что в стране есть еще дополнительные 3,5 миллиона нелегальных иностранных рабочих – порядка 5 процентов численности национальной рабочей силы³⁷. Свыше 90 процентов всех рабочих-иммигрантов в России заняты на непрестижных работах, требующих применения тяжелого ручного труда и низкого уровня профессиональной подготовки. Подобно иммигрантам в других развитых экономиках, они заняты на работах, которые местные россияне отказываются

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

выполнять, поскольку эти работы грязны, трудны или производятся в отдаленных местах. Почти треть таких иностранных рабочих находится в западной части Сибири и на Дальнем Востоке, где они в основном заняты на рынках, в сельском хозяйстве и строительстве. На некоторых строительных предприятиях Дальнего Востока рабочая сила почти наполовину состоит из иностранных рабочих; а на севере Тюменской области на их долю приходится до 70, 80 и даже 90 процентов³⁸. Спасаясь бегством от беспросветной ситуации на родине, рабочие-иммигранты из Средней Азии, стали основной частью региональной рабочей силы Сибири³⁹.

Выходцы из Средней Азии в Сибири

Сегодня в России находится почти полмиллиона рабочих-иммигрантов таджиков и столько же киргизов. Многие из них подыскали себе работу на продуктовых рынках, предприятиях и в строительной индустрии Западной Сибири, преимущественно в Свердловской и Новосибирской областях. Их привлекли зарплаты, по российским стандартам сравнительно низкие, но достаточно высокие для рабочих из этих двух доведенных до нищеты среднеазиатских государств.

Сейчас киргизов, постоянно работающих в России, так много, что в 2002 году правительство Киргизстана запросило и получило разрешение на открытие в Екатеринбурге консульства для обслуживания их потребностей – первого в новых постсоветских взаимоотношениях между среднеазиатскими государствами и Российской Федерацией. В декабре 2002 года киргизская правительственная делегация побывала в российском Приволжском регионе и в Сибири для встречи с рабочими-мигрантами и ознакомления с их жилищными условиями⁴⁰. Было увеличено количество авиарейсов между киргизской столицей Бишкеком и Екатеринбургом и Новосибирском, а также автобусных и железнодорожных рейсов из Киргизстана в Сибирь через Казахстан. До Западной Сибири сравнительно «недалеко», как считают киргизские рабочие, у которых живы исторические ассоциации с территорией Алтайского края.

Взаимодействие с сибирской экономикой оказало существенное воздействие на экономику Киргизстана и создало многочисленные взаимозависимости. Киргизский бизнес производит товары специально для сибирского рынка и снабжает его ими, включая продовольствие и дешевую одежду с использованием среднеазиатского текстиля. Киргизские «челноки» часто покупают дешевую

Глава 9. Преемственность идеологии

продукцию в соседнем Китае для перепродажи в Сибири. Киргизский ширпотреб оказался в высшей степени конкурентоспособным по сравнению с аналогичной российской продукцией, даже с учетом высокого уровня прожиточного минимума в Сибири и затрат на «импорт» потребительских товаров с преодолением больших расстояний из европейской части России. Среднеазиатские социологи предрекают, что, поскольку большинство выходцев из Средней Азии говорят по-русски и готовы работать за низкие зарплаты, киргизские и другие рабочие-иммигранты скоро станут главной опорой сибирской экономики, учитывая сравнительную близость Западной Сибири и то, что туда легко доехать. Однако маловероятно, что среднеазиатские рабочие доберутся и до российского Дальнего Востока в поисках работы. Скорее всего миграция останется западносибирским феноменом⁴¹.

Завоз китайцев?

Многие российские аналитики расценивают иммигрантскую рабочую силу из Средней Азии и других стран Азии как компенсацию общепризнанной нехватки рабочей силы в Сибири. Так, например, члены Совета по внешней и оборонной политике в докладе по Сибири и Дальнему Востоку утверждали: «Предотвратить превращение гигантских территорий Сибири и Дальнего Востока в безлюдное место можно единственным способом – посредством иммиграции, которая в свою очередь является единственным способом улучшения половой и возрастной структуры населения. Принимая во внимание тот факт, что иммигранты уже прибывают из Азиатско-Тихоокеанского региона, главным образом из Китая, эту иммиграцию следует рассматривать как социально значимую, и государству должно ее приветствовать... Учитывая то, что иммиграция из Китая... неминуема, нужно развернуть целенаправленную информационную и пропагандистскую кампанию для того, чтобы изменить общественное мнение, унять страхи перед «желтой угрозой» и сформировать позитивный образ иммигрантов из Азии»⁴².

Упоминание иммиграции из Китая вызывает интересные вопросы. Действительно, некоторые российские политики опасаются массового наплыва китайских рабочих и возможных поселенцев на российском Дальнем Востоке, а местные власти заявляют, что сотни тысяч уже просочились через российские границы, в то время как еще миллионы из «перенаселенных» северных провинций Китая готовы последовать за ними. И все же иммиграция из Китая не столь значительна, как принято полагать⁴³.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

В 1990-е годы российские аналитики утверждали, что уже 2,5 миллиона китайцев живут и работают в России. Даже самые осторожные подсчеты выводят на цифру в 200 000 – двадцатикратное увеличение с 1989 года, когда во всем СССР было зарегистрировано только 11 000 этнических китайцев⁴⁴. Согласно официальным данным китайского правительства, напротив, выходило, что количество китайских граждан, работавших в 2002 году на всей территории бывшего Советского Союза (не только одной России) составляло 300 000 человек. Опрос китайских мигрантов, проведенный в Москве, Хабаровске и Владивостоке, показывает, что лишь немногие мигранты хотели бы остаться в России на постоянной основе⁴⁵. Представление о китайской миграции на российский Дальний Восток далеко от реальности⁴⁶. И все же такое ложное представление о наплыве китайцев льет воду на мельницу негативной реакции на иммиграцию неэтнических русских во все уголки Российской Федерации, делая эту тему все более актуальной на бытовом уровне.

По результатам своего изучения миграции в Российской Федерации Тимоти Хелениак пришел к выводу, что российское лобби противников миграции сейчас «на подъеме»⁴⁷. В то время как некоторые российские политики выступают за увеличение числа иностранных работников в Сибири и на российском Дальнем Востоке, большинство настаивает на том, что после развала СССР Россию заполонило уже слишком много иностранцев. Они настаивают на еще больших ограничениях по отношению к беженцам и иммигрантам и требуют дальнейшего ужесточения требований к получению российского гражданства⁴⁸. Федеральная миграционная служба России, основанная в начале 1990-х годов для содействия миграции и руководства ею, была упразднена в 2000 году и в мае 2002 года отнесена к компетенции Министерства внутренних дел. В декабре 2002 года российская Государственная дума приступила к обсуждению нового проекта национальной миграционной политики, первоначально разработанного в 1998 году, который обязывал бы контролировать как легальную, так и нелегальную иммиграцию⁴⁹.

Помимо попыток навязывания еще большего политического контроля над ними, иностранным рабочим в России уже приходится сталкиваться с открытой эксплуатацией со стороны региональных работодателей, а также с недовольством местных властей и населения. В 2002 году было несколько сообщений об убийствах на расовой почве рабочих-иммигрантов из Средней Азии⁵⁰. В дальнейшем такие случаи участились. Один из наиболее поразительных примеров эксплуатации нелегальных рабочих-иммигрантов из Средней Азии был приведен в репортаже российского радио в ноябре 2002 года (см. блок 9-1).

Глава 9. Преемственность идеологии

Блок 9-1. Узбекские рабы освобождены из российской овощеводческой фермы в Сибири

«Новосибирская милиция освободила пятьдесят рабов из Узбекистана, проведших шесть месяцев, работая на овощеводческой ферме. До наступления морозов они жили практически под открытым небом. Детали – от нашего корреспондента Александра Ерахтина:

«Освобожденные рабы сказали, что сперва все было похоже на то, что их берут на работу. Прошлой весной одна женщина из Новосибирска побывала в Фергане и Намангане, где она сколотила группу из пятидесяти узбеков для выращивания моркови. Им пообещали платить по сто долларов в месяц, посадили в автобус и доставили в Новосибирск. По дороге у них отобрали паспорта, якобы для оформления.

По прибытии выяснилось, что работать и жить придется за городом, под открытым небом. Они разбили что-то вроде бивуака в поле. Обещанных денег им не выплачивали. Кормили в основном горохом. Узбеки быстро поняли плачевность своего положения и то, что без денег и документов им будет очень трудно вернуться домой. Большинство из них сумели убежать и разыскать своих соотечественников на городских рынках. Оставшиеся шестеро были увезены предпринимателями, и их заставили работать на складе на сортировке овощей, где они и были освобождены новосибирской милицией.

Как мне сообщили в пресс-службе региональной милиции, в ходе операции были арестованы два надсмотрщика. Оба они студенты, один – юридического учебного заведения. Следствие продолжается».

Источник: Радио «Маяк», прямое вещание. 2002. 21 ноября.

Отвлечемся несколько от негативной реакции на иммиграцию на бытовом и политическом уровнях и отметим, что в связи с использованием нелегальных иммигрантов в качестве «рабской рабочей силы» на сибирской овощеводческой ферме возникает один немаловажный вопрос, который так и остается без ответа во всех российских дискуссиях по миграции и нехватке рабочей силы в Сибири: существует ли там в самом деле нехватка рабочей силы? Нам кажется, что не существует. Российским политикам не следует заниматься поисками рабочей силы или рабов, которых можно посадить на зарплаты, достаточно низкие для того, чтобы сделать свои частные фермы или действующие предприятия прибыльными. Вместо этого надо сосредоточить внимание на попытках создания новых выгодных отраслей промышленности, которые могли бы задействовать уже имеющуюся в наличии российскую рабочую силу за приличную зарплату, без принуждения – и, скорее всего, не в Сибири. К несчастью, Россия обманывает себя, стараясь сохранить ценность унаследованных от ГУЛАГа и СССР материальных активов.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Наследие ГУЛАГа

В начале XXI столетия России приходится ломать голову над решением проблемы, что же ей делать с ресурсами в холодных, отдаленных регионах и как относиться к утратившим свою ценность инфраструктуре, городам и заводам, построенным ГУЛАГом и оставленным Сталиным в наследство своим преемникам? Все ресурсы сибирских недр залегают себе в полной сохранности, пока их не начинают разрабатывать. Государству ничего не стоит оставить их так и лежать в неприкосновенности (за исключением одного – затрат на защиту территории). Однако «подарком» современной России от заключенных ГУЛАГа являются не сами ресурсы, а инфраструктура, которая (возможно) делает разработку этих ресурсов рентабельной. Сегодня россияне вряд ли захотели бы создавать большую часть добывающих отраслей промышленности и предприятий, которые они унаследовали в Сибири, учитывая большие затраты на труд и рыночные цены на все, что ими потребляется. Но активы уже имеются в наличии, уже построены и используются. Сейчас невозместимые издержки невозможно спасти, отказавшись от этих активов ГУЛАГа, да и инфраструктуру нужно сохранять. Если сегодня некоторые сибирские ресурсы и можно эксплуатировать с выгодой благодаря невозместимым капиталовложениям ГУЛАГа, это вовсе не означает, что такая эксплуатация непременно останется прибыльной завтра, принимая во внимание стоимость будущих капиталовложений, которая со временем будет только возрастать. Прибыльность, текущие расходы и капитальные вложения, равно как и доходы от продаж, никогда не были важным фактором при принятии решений по строительству предприятий в рамках ГУЛАГа, но сегодня они стали главной движущей силой в их эксплуатации.

Выходцы из Средней Азии и других мест готовы приезжать в Сибирь и работать за низкие по российским меркам зарплаты, чтобы уйти от безработицы и нищеты у себя дома. Они приезжают работать на неприбыльных предприятиях в Екатеринбург, Новосибирск и другие еще более отдаленные города Сибири и Дальнего Востока, а ведь эти города построены в советский период на основе централизованного планирования без опоры на экономические принципы. В результате получается, что иностранные рабочие успешно используются для того, чтобы искусственно поддерживать на плаву заводы, которые иначе не выжили бы в рыночных условиях⁵¹. Они используются и для того, чтобы поддерживать убыточные и вообще обреченные сектора тяжелой и добывающей промышленности. Иммигранты, будучи приняты на предприятия этих отрас-

Глава 9. Преемственность идеологии

лей (особенно, если им выданы долгосрочные разрешения на работу и, разумеется, право на постоянное проживание и гражданство), через десяток лет, вполне возможно, окажутся в Сибири на мели, так как отрасли промышленности, в которых они заняты в настоящее время, перестанут существовать. Россия окажется перед лицом проблем, с которыми сталкивались и другие европейские страны. Например, Великобритания после Второй мировой войны поощряла приход рабочих-иммигрантов на низкооплачиваемые места и на работы, не требующие квалификации, от которых отказывались местные жители. Для поддержания производства на не прибыльных текстильных предприятиях в городах Северной Англии, которые были сильно зависимы от занятости в этой отрасли промышленности, ввозились иммигранты из Южной Азии. Британская текстильная промышленность впоследствии развалилась, оставив в заложниках второе и третье поколения семей иммигрантов с малыми шансами на подыскание себе новых видов деятельности в приходящих в упадок городских регионах. В 2001 году несколько бывших текстильных городов Северной Англии были разгромлены во время социальных беспорядков и бунтов, вызванных высоким уровнем безработицы, лишениями и крушением надежд послевоенных иммигрантов⁵². Если официальную иммигрантскую рабочую силу, как оказалось, сложно держать в узде, то нелегальная иммиграция или даже «рабы» могут стать единственным средством поддержания производства в некоторых неприбыльных секторах промышленности. Действительно, несмотря на кончину ГУЛАГа, использование санкционированной государством принудительной рабочей силы еще живет и здравствует по сей день на российском Дальнем Востоке благодаря Северной Корее.

Подневольный труд северокорейских рабочих на Дальнем Востоке

Северокорейский лидер-затворник Ким Чен Ир, отправляясь на встречу с российским президентом Владимиром Путиным в августе 2001 года, обставил свою поездку в Москву наподобие рекламного турне в целях установления связей с общественностью, проехав всю Россию на поезде с несколькими остановками на пути. Поездка широко освещалась в печати, но имела своим следствием еще и несколько статей, разоблачавших продолжающееся использование северокорейской подневольной рабочей силы на российском Дальнем Востоке. Согласно статье Клаудии Розетт (Claudia Rosett), Северная Корея начала внедряться в российскую заготовку и транс-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

портировку леса в конце 1960-х годов, когда между Леонидом Брежневым и Ким Ир Сенем была заключена сделка. «Россия предоставляла отдаленные, негостеприимные лесные районы плюс топливо и транспорт. Северная Корея поставляла лесорубов, с ротацией их каждые три года, в сопровождении представителей службы безопасности. Обе стороны продавали лес на свободную валюту и делили выручку между собой»⁵³.

Развал Советского Союза поставил под вопрос продолжение этой деятельности. Взвесив озабоченность правами человека и потребность в валюте, российские власти предприняли ряд отступных шагов – хотя и не демонтируя трудовые лагеря полностью⁵⁴. Со своей стороны, Северная Корея рассматривала продолжение поставок подневольной рабочей силы как средство списания долгов советских времен перед Россией. Из интервью с представителем МЭРТ газета «Москоу таймс» узнала, что министерство «официально классифицирует таких рабочих как «экспорт» и подсчитало, что на их долю приходится 90 процентов всех «товаров», импортируемых из Северной Кореи (в Россию) ежегодно»⁵⁵. Как сообщалось, Пхеньян в 2000 году полагал с помощью такого «экспорта» уменьшить свою задолженность Москве (3,8 миллиарда долларов) на 50,4 миллиона долларов⁵⁶.

Данные о количестве все еще функционирующих лагерей покрыты мраком. По некоторым оценкам, численность подневольной рабочей силы составляет от 6000 до 15 000 человек. Некоторые аналитики утверждают, что эти цифры будут возрастать, так как многие северные корейцы обнаружили, что жизнь в этих лагерях лучше, чем жизнь на родине, хотя бы потому, что в них кормят по три раза в день. В ходе исследований Розетт узнала, что некоторые жители Северной Кореи даже давали взятки властям Пхеньяна, чтобы получить возможность работать в этих лагерях.

Соккрытие реальных издержек производства

Рабский труд и нелегальная миграция могут стать одним из способов поддержания на плаву лесозаготовок и других отраслей добывающей промышленности. По своей природе, однако, они приводят к скрытым реальным издержкам производства. Речь идет о необходимости иметь дело с принудительными методами и социальными проблемами, связанными с созданием в среде российской рабочей силы низших слоев общества – без доступа к муниципальному жилью, здравоохранению, образованию и другим социальным услугам, лишенных защиты и зависимых от тех, кто стоит над ними. Само существование индустриализированных Сибири и Дальнего Востока и на-

Глава 9. Преемственность идеологии

сущная потребность в сохранении и освоении этих регионов стали причиной нелегальной миграции в пределах Российской Федерации. Это, в свою очередь, создает потребность в крайне «дешевом» труде, которая не может быть удовлетворена за счет россиян и легальной иммиграции. Судя по всему, принуждение и насилие в труде будут в такой же мере частью будущего Сибири, как и ее прошлого, и современные российские политики все еще не желают признавать ограничивающие факторы региона. Несмотря на всю очевидность того, что Сибирь и Дальний Восток не могут функционировать как современные рыночные экономики при их теперешнем профилировании и распределении населения, видные российские аналитики и политики вновь и вновь настойчиво уверяют, что единственное решение заключается в привлечении людей в эти регионы.

Возьмем лишь два недавних комментария. Социолог и демограф Жанна Зайончковская, общепризнанный ведущий российский эксперт по миграции, утверждает: «Ситуация сейчас такова, что большие пустынные пространства невозможно освоить без заполнения населением... Правительство не понимает, что мы не в состоянии осваивать Сибирь самостоятельно». Ей вторил бывший полпред президента в Северном федеральном округе Леонид Драчевский: «Вся история нашего государства – это поиск способов заселения Сибири и создания стимулов для такого заселения»⁵⁷.

Хотя заселение Сибири не может определять всю историю российского государства, как мы уже об этом говорили, оно, несомненно, было большим местом у руководства страны начиная с 1930-х годов. Если прежде рядового россиянина приходилось гнать в Сибирь посредством системы ГУЛАГа или побуждать идти туда с помощью тщательно обдуманных призывов, льгот и субсидий, теперь, когда принуждение прекратилось, идея о Сибири как о российской судьбе становится идеологией, навязываемой сверху. Здравый смысл и трезвый экономический анализ отодвинуты на второй план, а мифологизация и идеологизация Сибири выдвинуты на первый.

Конец идеологии пространства

Сибирь, как мы попытались доказать в своих рассуждениях о недостатках размера территории и стоимости холода, перенаселена для своей экономики. Ее жители почти целиком и полностью расселены не там, где надо. К тому же Сибирь освоена скорее неправильно, чем недостаточно. Население Сибири надо уменьшить, а не заполнять ее снова людьми. Основной проблемой остается прошлое и существующее мнение россиян об отношениях своего государства к его территории. Отличительным признаком России традиционно

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

всегда оставалась ее земля – размер ее территории. Все в России мыслилось в пространственных категориях, и пространство породило целую серию теорий и рассматривалось как «важнейший элемент государственности»⁵⁸. Однако экономически пространственный аспект российской государственности важен не более и не менее других аспектов.

На протяжении большей части современной истории России были свойственны концепции скорее геополитики, чем экономики. Это позволяло ее физической географии преобладать над экономикой, в соответствии с идущей от эпохи царизма идеей, что контроль над территорией означает ее заселение. Если существует вакуум, угрожающий безопасности и создающий возможность вторжения извне, то надо послать побольше людей на территорию находящуюся под угрозой. В интервью, данном в июле 2002 года, лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский раскритиковал неистовую российскую «мигрантофобию», утверждая в противовес, что «...отказываясь от мигрантов, Россия, теряющая по 700 тысяч человек в год, скоро просто не сможет сохранить свой суверенитет в Сибири и на Дальнем Востоке. Так что не мигранты, а прекращение миграции на самом деле всерьез угрожает национальной безопасности нашей страны»⁵⁹. Однако современная политика возобновления развития Сибири и ориентации миграции и иммиграции на регионы восточнее Уральских гор целиком и полностью базируется на неверной точке зрения. России вовсе не обязательно иметь больше людей для того, чтобы заполнить пустые пространства; ей нужно перераспределить уже существующих.

Пристрастие времен советской эпохи к материальным активам – если вы располагаете природными ресурсами, то вам надо их эксплуатировать, и если у вас имеется фабрика, то вам надлежит что-то делать с ней – сегодня сбило Россию с пути. Когда советское правительство приступило к развитию СССР и Сибири, оно было уверено, что располагает неограниченными территориальными и человеческими ресурсами. Единственное, чего у него не было, так это промышленной инфраструктуры. Из трех традиционных факторов производства – земли, рабочей силы и капитала – большевики, по их представлению, располагали первыми двумя, но в большем количестве, чем кто-либо еще. Им только требовалось задействовать рабочую силу для создания третьего фактора с целью последующего превращения СССР в страну с промышленной экономикой и однородным или равномерным распределением производительных сил по всей территории. Как бы в насмешку над движением, которое именовало себя «авангардом трудящихся масс», оказалось, что как раз рабочая сила, а не капитал, была основным препятствием на его пути.

Глава 9. Преемственность идеологии

Сегодня это надо в корне изменить. Россия должна отказаться от убеждения, что земля – начало всего и вся в России, и принять точку зрения, что настоящим началом всего являются люди – российский человеческий капитал. Рабочая сила сегодня – решающий фактор во всякой развитой экономике. Такой аргумент актуален как раз для России, которая сталкивается с насущными демографическими проблемами. Начиная с 1970-х годов российских лидеров все больше и больше беспокоит явная нехватка людей – россияне просто *иссякают*. Западные демографы тоже предсказывают разительный спад как в численности российского населения, так и в его здоровье и материальном благосостоянии⁶⁰. Численность российского населения снизилась со 147 миллионов человек по данным переписи 1989 года до 145,2 миллиона человек согласно предварительным результатам переписи 2002 года⁶¹. Перспективы по численности населения на будущее довольно заметно разнятся. По прогнозу американского Бюро переписи, к 2015 году численность российского народонаселения упадет до 141 миллиона человек⁶². Согласно заявлению Госкомстата России, численность российского населения к 2015 году может упасть до 128 миллионов человек. Если такое сокращение численности населения будет продолжаться бесконтрольно, то за последующие два десятилетия Россия вернется туда, где она была в 1900 году. Однако ключ к будущему не в количестве, а в качестве населения. Формулировка «слишком мало народу» всегда рассматривалась в соотношении с размером страны, а не с размером экономики. С точки зрения экономики, в России слишком много непроизводительных людей – нездоровых, бедных, со все более снижающимся уровнем образования и недостатком профессиональной подготовки. Для улучшения качества населения России надо отозвать часть своих наиболее продуктивных сил из некоторых самых изолированных мест на планете.

К несчастью, российские лидеры продолжают упорно цепляться за свое представление о том, что Россия пользуется авторитетом на международной арене преимущественно из-за размера своей территории, что корни российского величия в ее размере. Что ни говори, а Россия действительно самая большая страна в мире. Российские историки и ученые изображают ее как исполнительницу миссии «собираательницы земель Русских» на протяжении столетий⁶³. Да и о Путине говорят как об еще одном «собирателе»⁶⁴. Однако бескрайняя территория России была ее фатальным изъяном со времен эпохи царизма. Она была напастью для большевиков и коммунистов и теперь как паутина опутывает новую Россию. России надо отказаться от своего пристрастия к территории и приступить к сосредоточению всего своего внимания на людях. Это в пер-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

вую очередь потребует прекращения попыток найти достаточное количество людей для «заполнения» и освоения территории Сибири – территории, которую вообще не следовало бы осваивать тем методом, который раньше преобладал.

Борьба со стихией – расплата за старые ошибки

Итак, именно размер территории определил спектр российских проблем в XX столетии. Поколение начала XXI века не сталкивается с героическими задачами покорения природы и освоения новых земель за Уральскими горами, как их родители и деды, которых призывали заниматься этим в советские времена. Вместо этого их тяжким долгом является расплата за прошлые ошибки в этих регионах. Платить приходится каждую зиму лишениями и страданиями в Сибири и на Дальнем Востоке. Зима 2000–2001 годов выдалась на редкость суровой: температура падала до -57° и держалась стабильно на уровне -40° в течение нескольких недель в январе и феврале. Эта зима была объявлена «самой холодной зимой столетия», капризом природы, когда о самой Сибири говорили, что там «холоднее, чем в Сибири»⁶⁵. На самом деле зима 2000–2001 годов вовсе не была самой холодной – если только в репортаже имелось в виду XX-е, а не XXI столетие. Падение температуры ниже -50° – обычное дело для Сибири. Добавим, что среднемесячные температуры в Сибири и на российском Дальнем Востоке за 1969, 1972, 1977 годы, согласно данным российских метеостанций, были несколько ниже, чем средние данные по 2001 году⁶⁶. Усугубим этот момент, сказав, что в январе 2003 года температуры вновь резко пошли вниз по всей России, вызвав поток комментариев как внутри, так и за пределами страны. Британская газета «Гардиан» соответствующим образом подвела итог всему этому: «Ситуация в норме: Россия промерзла насквозь»⁶⁷.

Весеннее таяние после каждой особенно суровой зимы тоже способно создать особые проблемы – паводки. Одним из самых драматических примеров служит паводок в якутском городе Ленске (см. блок 9-2).

Блок 9-2. Ленск – российская борьба со стихиями

В мае 2001 года в течение двух дней эскадрилья российских сверхзвуковых бомбардировщиков Су-24 сбросила порядка сотни бомб общим весом свыше 8 тонн взрывчатки на собственную территорию. Целью был массивный ледяной затор, перекрывший Лену на протяженности 80 километров^{1*}. Перекрытие течения ледя-

Глава 9. Преемственность идеологии

ной плотиной вызвало подъем уровня воды до наивысшей отметки в 20 метров, превысив обычный паводковый уровень на 6,5 метра. Река затопила 98 процентов города вдоль своих берегов, побудив Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС) к решительному вмешательству^{2*}. Почти всех жителей (27 000) пришлось эвакуировать, так как наводнением были смыты сотни домов и повреждены тысячи других строений, дорог и мостов. Вода в Ленске стала спадать только после того, как затор был успешно разбомблен. Средства массовой информации, освещавшие героические достижения в борьбе «человека с природой», возложили всю ответственность за бедствие на «исключительно холодную» зиму 2001 года, которая вызвала «аномальное» наращивание льда на Лене. Министр МЧС Сергей Шойгу заявил, что «в России никогда не бывало подобных разрушительных паводков»^{3*}.

На самом же деле паводки в Ленске и в других местах происходят почти каждый год. Как и все великие сибирские реки, Лена течет с юга на север. Каждую весну тающие на юге снега устремляются в Лену обычно до того, как замерзшие северные участки реки оттаивают, — с предсказуемыми и зачастую катастрофическими последствиями. Южные участки Лены, вздувшиеся от талых вод, не могут следовать вдоль естественного русла реки и разливаются в пойме. В одном из репортажей российской прессы, в котором поводок на Лене 2001 года описывается как самый сильный за последние сто лет, автор без всякой иронии упоминает паводок, случившийся всего лишь тремя годами ранее, в 1998 году, когда уровень воды в Лене достигал уровня в 17 метров, не добрав только трех метров до уровня 2001 года^{4*}. Таким образом, постоянные жители регионов, расположенных вдоль сибирских рек, почти ежегодно становятся жертвами бедственных паводков, зачастую требующих незамедлительного вмешательства. Каждый раз постоянные жители заново отстраивают свои дома. В 2001 году на гуманитарную помощь и реконструкцию Ленска были затрачены миллиарды рублей из федерального и регионального бюджетов. Несмотря на предложения Сергея Шойгу переместить город на менее опасное место, Ленск каждый раз вновь упорно отстраивается на прежнем месте^{5*}.

Ленск немало значит в масштабах России. Сибирская река Лена является главной транспортной артерией к Мирному, столице российской алмазодобычи и к штаб-квартире алмазной компании АЛРОСА. Однако строительство в Ленске никогда не производилось с учетом защиты от паводков: даже аэропорт Ленска расположен слишком близко к берегу и не может быть использован в спасательных целях в случае затопления^{6*}. В советские времена Министерство транспорта ежегодно выделяло фонды для расчистки и углубления дна реки с целью предотвращения образования ледяных дамб^{7*}.

Майский поводок 2001 года был для Ленска большим потрясением и не остался без последствий для региональных и федеральных властей. Действующий президент Республики Саха (Якутия) Михаил Николаев, после того как его подвергли критике за то, что он плохо справился с паводком в Ленске и к тому же нарушил избирательные законы по ограничению сроков, отозвал свою кандидатуру на республиканских выборах в декабре 2001 года. Новый президент республики Вячеслав Штыров стал уделять больше внимания городу, пообещав, что он не подвергнется наводнению в течение последующих пяти лет^{8*}. Более того, Ленск стал известен как «город Путина» после того, как российский президент осенью 2001 года посетил город с целью проконтролировать его реконструкцию и выступил за то, чтобы российское правительство содействовало его возрождению и выживанию.

Но для людей в Ленске жизнь не претерпела заметных изменений при новом к нему отношении, как и в результате нового строительства. Новые жилые бетон-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ные дома, возведенные взамен смытых паводком, были построены в рекордные сроки. Теперь жильцы жалуются на протекающие крыши и трубы, сломанные канализационные системы и растрескавшиеся наружные стены^{9*}. Большинство городских домов имеют неадекватное отопление. Многим жильцам приходится ставить электронагреватели около радиаторов парового отопления, чтобы предохранить их от замерзания и разрыва. В одной из газетных передовиц в декабре 2002 года говорилось, что более подходящим новым названием для Ленска, чем «город Путина», было бы название «холодильник им. Путина»^{10*}.

^{1*} В стране и мире // Вечерняя Москва. 2001, 16 мая. С. 2; Чрезвычайное положение в Республике Саха (Якутия) было объявлено в результате паводка в 1989 году (<http://www.yakutia.ru/-pages/win/sos/saxarespE.htm>).

^{2*} Попова Н. Борьба со стихией продолжается // Независимая газета. 2001. 19 мая. С. 2.

^{3*} Judith Ingram. Water Rises in Flooded Siberia City // Associated Press. 21 May 2001.

^{4*} Емельянов О. Сибирское наводнение. Вода поднялась почти на 20 метров в сибирском городе // ИТАР-ТАСС. Ежедневные новости. 2001, 18 мая.

^{5*} Выдержки из различных статей, в т. ч.: Anna Badkhen. Powerful Spring Flood Threatens Siberian City // Boston Globe. 19 May 2001. P. A7; Нарышкина А. Уникальные, но не очень. Лучшие алмазы остаются в Госфонде // Время новостей. 2001. 7 июня. С. 4.

^{6*} Anna Badkhen. Powerful Spring Flood Threatens Siberian City.

^{7*} В стране и мире. 2001. 16 мая.

^{8*} Милашина Е. Мифу – миф. Якутия. Ленск: Лед тронулся. Заседания продолжаются // Новая газета. 2002. 20 мая.

^{9*} Милашина Е. Специальный репортаж. Якутия. Ленск: Лед тронулся. Заседания продолжаются (окончание) // Новая газета. 2002. 27 мая.

^{10*} Милашина Е. Неслучайный звонок в Ленск. Холодильник им. Путина // Новая газета. 2002. 16 декабря.

Каждая российская зима изобилует историями таких городов, как Ленск, превращающихся в настоящие «холодильники». Инфраструктура Сибири повсюду деформируется и разрушается под натиском холода. Города погружаются в морозный мрак, когда коммунальные предприятия выходят из строя. Люди замерзают в своих ледяных квартирах (или дома превращаются в ледяные блоки, как то было в Магадане в марте 2001 года) и даже умирают на улицах от переохлаждения⁶⁸. Федеральные и региональные правительства постоянно вмешиваются в ситуацию, после чего следуют стремительные уходы в отставку по состоянию здоровья (после того как местные власти обнаруживают, что они не в состоянии противостоять холоду со своими неадекватными бюджетами; см. блок 9-3).

Блок 9-3. Мерзнувший школьник и президент

24 декабря 2001 года школьник Павел Шведков из города Усть-Кут Иркутской области позвонил Владимиру Путину во время общенациональной прямой линии с президентом и пожаловался, что его школу закрыли на неопределенный срок из-за холода. Он попросил президента вмешаться^{1*}. Путин пояснил, что за отопление ответственна местная администрация, но заверил Павла в том, что иркутский губер-

Глава 9. Преемственность идеологии

натор разберется в ситуации. Несколькими днями позже мэр Усть-Кута ушел в отставку по состоянию здоровья, а заместитель губернатора Иркутска пообещал, что отопление в школе будет восстановлено^{2*}. Так и произошло в начале 2002 года, однако в конце 2002 года школа Павла, как и большая часть Усть-Кута, снова страдала от холода^{3*}. В декабре 2002 года ветеран Великой Отечественной войны, проживавший в городе, был найден замерзшим в своей квартире, в доме, где центральное отопление не работало полных два года и где электричество было отключено на ремонт на неопределенный срок. Местные власти жаловались, что у города недостаточно бюджетных средств для того, чтобы поддерживать работу коммунальных предприятий. Подобно многим другим сибирским городам, Усть-Кут зимой 2002 года был вынужден взять на невыгодных условиях заем для дополнительной закупки топлива, используя в качестве обеспечения муниципальную собственность^{4*}.

^{1*} *Леньшина И.* Хороший мальчик // Известия. 2002. 16 декабря.

^{2*} RFL/RL. Russian Federation Report. Vol. 4. No 1. 9 January. 2002.

^{3*} *Леньшина И.* Хороший мальчик.

^{4*} *Oksana Yablokova.* A Veteran Freezes to Death in Siberia // The Moscow Times. 17 December 2002.

Подобного рода истории вызывают у российских властей высшего уровня большое недовольство. Во время своей поездки по Сибири и Дальнему Востоку в январе 2001 года президент Путин потребовал, чтобы региональные власти несли ответственность за неспособность обеспечить города энергией и теплом: «Мы много говорим о необходимости структурных изменений в правительстве и его департаментах, и мы создаем новые структуры, но никто не несет конкретной, личной ответственности за текущую ситуацию... (Я больше не желаю)... всерьез принимать сильный холод как оправдание»⁶⁹. Комментируя последствия мощных паводков по всей России в 2002 году, на совещании в ноябре 2002 года Путин снова спрашивал: «Однако остается вопрос: сколько раз можно повторять именно такой чрезвычайный алгоритм действий? Даже при чрезвычайных ситуациях. Подобные события прошлого года уже должны были заставить и правительство, и ведомства выработать четкий и скоординированный план действий. Каждый раз между тем решаем, как спасать людей и имущество, как будто заново»⁷⁰. И во время резкого похолодания в январе 2003 года президент появился на российском телевидении, публично выговаривая региональным лидерам по телефону за то, что они не были готовы к устранению последствий предсказуемого понижения температур⁷¹.

Как известно, подобные арьергардные битвы со стихией ведутся каждый год, и так будет продолжаться и впредь. Авианалеты бомбардировщиков на ледяные заторы на Лене – какими бы исключительными и необычайными они ни казались – вовсе не из ряда вон выходящие случаи и никогда таковыми не станут. Несмотря на протесты Путина, холод и стихии – не «оправдание» в Сибири и на

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Дальнем Востоке, а реальность сложности проживания там. Лучшее планирование и более компетентное руководство способны помочь в снижении затрат, но героические вмешательства – будь то военные или политические – всегда останутся нормой, если приоритет будет отдан сохранению и поддержке быстро ветшающих сибирских административных центров и городов массовой застройки с центральным отоплением, построенных при СССР. Местные и региональные политики по-прежнему не в силах справиться с непосильной задачей по отоплению и обеспечению энергией своих городов. Не смогут, впрочем, сделать этого и их преемники без вмешательства центра и предоставления субсидий для оплаты завозного топлива, на которые всегда полагались эти сибирские города. После неизбежной отставки предшественников новым лидерам самим придется приниматься за их политические программы.

Примечательно, что зимой 2000–2001 годов теми, кто перенес холод лучше всего, были жители российских деревянных домов старой постройки, не подключенных к отопительной системе, но имевших возможность пользоваться традиционным печным отоплением. Маура Рейнолдс (Maura Reynolds) из «Лос-Анджелес таймс», побывав во Владивостоке в январе 2001 года во время отключения энергии, писала: «Тем, кто живет в деревянных избах, повезло, так как у них были печи, которые топят дровами. Но... те, кто проживает в более или менее современных бетонно-панельных многоквартирных домах, построенных за последние 40 лет... оказались абсолютно беспомощными, когда коммунальные службы вышли из строя»⁷². Хотя всегда можно свалить ответственность на какого-нибудь бедолагу чиновника, настоящий виновник – холод. Как сказал один из жителей Дальнего Востока в январе 2001 года, «человек может привыкнуть ко всему – к нехватке еды, к высоким температурам, к ветру; единственная вещь, с которой нельзя свыкнуться, – это холод»⁷³.

Каждым летом российским регионам на Урале и к востоку от него в первую очередь приходится создавать и пополнять запасы топлива⁷⁴. При этом самая крайняя «непозволительность» для региональных властей в России – отключение людей от отопления.

Во время дискуссии по поводу отопительного кризиса в Сибири в феврале 2001 года российский экономист Александр Ципко отмечал: «Сейчас стало ясно, что природный российский климат делает проблему отопления весьма насущной и неразрешимой путем одной только увязки с экономическим климатом. Правда, которая сейчас открывается большей части населения, в том, что в России, где значительное число людей живет в экстремальных условиях, особенно в Сибири, проблема отопления не может быть отдельной проблемой каждой отдельной семьи. Проблема отопления – это за-

Глава 9. Преемственность идеологии

дача национального значения и не может быть ни передоверена кому-то другому, ни оставлена на усмотрение либо поставлена в зависимость от иных экономических условий, или отдана на милость производителей энергии в зависимости от их прихотей. Когда на кон поставлены здоровье и жизни сотен тысяч людей, торг по ценам на уголь или нефть неуместен. В экстремальных или чрезвычайных условиях выгода и коммерция должны отойти на задний план, по крайней мере, хотя бы на время»⁷⁵.

Москву дают налоги, а Сибирь разоряется

При неизбежности государственного вмешательства для отопления сибирских городов и очистки их ото льда регион попадает в зависимость от субсидий из центра и от попыток государства повысить эффективность энергетики, совершенствования системы и так далее. Но это означает, что совокупное российское развитие будет по-прежнему сдерживаться необходимостью перераспределения (а следовательно, и нерационального использования) ресурсов из более преуспевающих регионов на теплом западе в европейской части России на холодный и недостаточно доходный (если вовсе не убыточный) восток. При таком сценарии государство продолжает оставаться главным действующим лицом как в российской экономике, так и политике. Как подчеркивает Александр Ципко, политика невмешательства обрекала бы людей в наименее доходных холодных регионах в прямом смысле на смерть и стала бы экономическим бедствием.

Кроме того, сегодняшний успех самого процветающего российского региона, Москвы, в долгосрочном плане не состоятелен. Она живет и процветает за счет ресурсов остальной страны – главным образом за счет сибирских и дальневосточных ресурсов и притока наличных средств из энергетического сектора. При этом Москва еще субсидирует Московскую область и остальную российскую экономику. Так как столица не может просто взять и освободиться от остальной страны, с течением времени ее обременение будет только возрастать.

В завершение сопоставления надо обратить внимание не только на московское «время», но и на то, как сохранение городов и промышленности восточнее Урала воздействует на саму Сибирь. Экология Сибири, настоящей сокровищницы России, является одной из самых хрупких в мире. Сибирь может быть легко потеряна для будущих поколений: ведь в советский период ее скорее грабили, а не покоряли. Озеро Байкал – самый большой и глубокий резервуар пресной воды, на долю которого приходится пятая часть

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

запасов пресной воды на планете, обладает девственно чистыми водами и уникальными флорой и фауной (1500 видов растений и животных, включая пресноводных тюленей, не встречающихся больше нигде в мире). Байкал находится под угрозой загрязнения целлюлозно-бумажным комбинатом, спускающим сточные воды в озеро, и возможной прокладкой нефтепровода в непосредственной близости от кромки воды. Вечная мерзлота тает вблизи Северного полярного круга под воздействием горячей воды, используемой в строительстве в нефтеносных регионах. Повсюду в Западной Сибири тундра, леса и болота загрязнены нефтью из-за порочной практики добычи. Радиоактивные материалы сваливают в реки и озера в окрестностях сибирских ядерных городов. Гигантские дамбы и шахты коверкают ландшафт, и никаких соответствующих мер по рекультивации окрестных земель в местах, например, угольных месторождений Кузбасса, не принимается. Сильное загрязнение воздуха в промышленных городах Челябинск, Кемерово, Красноярск и Норильск считается главной угрозой здоровью людей с 1980-х годов. Почти все в высшей степени загрязненные российские города находятся в регионе Урала и Сибири, а «Норильский никель» рассматривается как один из злейших виновников загрязнения окружающей среды⁷⁶. К несчастью, это разграбление российского национального богатства может продолжиться после ликвидации российского Государственного комитета по охране окружающей среды и Федеральной службы лесного хозяйства с передачей их функций Министерству природных ресурсов в 2000 году⁷⁷.